

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РЕЖС СТАУТ

Острие копья

♦

Лига
перепуганных
мужчин

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44
С 78

Rex Stout

FER-DE-LANCE

Copyright © 1934 by Rex Stout

THE LEAGUE OF FRIGHTENED MEN

Copyright © 1935 by Rex Stout

All rights reserved

This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK
and The Van Lear Agency

Перевод с английского Дениса Попова

Серийное оформление Валерия Гореликова

Оформление обложки Ильи Кучмы, Валерия Гореликова

© Д. В. Попов, перевод, 2014
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2020
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-18771-9

Острие копья

ГЛАВА 1

Ехать за пивом в тот день светило определенно мне, поскольку дело Фэрмонтского национального банка было закрыто еще на прошлой неделе, и поневоле я оказался на побегушках. И если Вулфу взбрело в голову, он не стеснялся гонять меня на Мюррей-стрит хотя бы и за баночкой ваксы. Однако за пивом был послан Фриц. Сразу после обеда, не успев даже домыть посуду, он по звонку поднялся из кухни наверх и, получив распоряжения, вышел из дому и сел в «родстер», который мы всегда парковали перед входом. Час спустя он вернулся с ящиками с пивом на заднем откидном сиденье. Вулф находился в кабинете — так называли эту комнату мы с ним, для Фрица же она была библиотекой. Я сидел в гостиной, погруженный в чтение книги об огнестрельных ранениях, в которой ни черта не понимал. Оттуда-то я и увидел в окно, как Фриц подкатывает к дому. То был неплохой повод размяться, так что я вышел и помог ему перенести ящики на кухню. Только мы принялись переставлять бутылки в буфет, как раздался звонок. Я последовал за Фрицем в кабинет.

Вулф поднял голову. Я упоминаю об этом, поскольку в силу ее изрядной величины одно это движение, похоже, требовало труда. Пожалуй, она была даже больше, чем казалась, но на таком огромном теле любая другая голова осталась бы незамеченной.

— Где пиво?

— На кухне, сэр. В буфете, в правом нижнем отделении, я полагаю.

— Подавай его сюда. Оно холодное? И еще открывалку и два стакана.

— Большой частью холодное, сэр. Слушаюсь.

Я ухмыльнулся, сел в кресло и принялся с интересом следить за манипуляциями Вулфа с кусочками бумаги. Он вырезал из нее кружочки и теперь гонял их по папке с промокашками. А Фриц тем временем начал приносить пиво, по шесть бутылок на подносе зараз. После его третьего рейса я вновь ухмыльнулся, увидев, как Вулф оглядел боевые порядки на столе, а затем перевел взгляд на спину Фрица, удаляющегося из кабинета. Еще два полных подноса, и Вулф наконец остановил парад:

— Фриц, не соблаговолишь ли сообщить мне, когда это закончится?

— Весьма скоро, сэр. Еще девятнадцать. Всего сорок девять.

— Вздор! Извини меня, Фриц, но это явный вздор.

— Да, сэр. Вы велели купить по одной бутылке каждого сорта, какой только можно приобрести. Я объездил по меньшей мере десять магазинов.

— Ладно. Неси их сюда. И какие-нибудь соленые крекеры. Ни одно не упустит своего шанса, Фриц. Это было бы несправедливо.

Жестом пригласив меня придвинуть кресло к его столу и принявшись откупоривать бутылки, Вулф объяснил, что намерен отказаться от бутлегерского пива, которое многие годы покупал бочонками и держал в холодильнике в подвале, если ему удастся обнаружить в открытой продаже сорт годного для употребления слабоалкогольного пива. Он также пришел к выводу, что шесть квартал в день — это чересчур. Отнимает слишком много времени. Впредь он ограничит себя

пятью. На это я лишь хмыкнул, так как не поверил. И хмыкнул снова, представив, как кабинет наполняется пустыми бутылками, если только Фриц не будет их выносить день-деньской. Я повторил ему то, что говорил уже не единожды: пиво замедляет мышление. Это просто чудо, что он, вливающий в себя по шесть кварт в день, шевелит мозгами быстрее и лучше кого-либо в стране. На это он, по обыкновению, ответил, что работает не его мозг, а низшие нервные центры. И пока я открывал ему на пробу пятую бутылку, он продолжал распространяться — также отнюдь не в первый раз, — что ни в коем случае не оскорбит меня, проглотив мою лесть, поскольку это или глупость, если я говорил искренне, или гнусное лицемерие, если хитрил.

Он причмокнул губами, отведав пятый сорт, поднял бокал и осмотрел янтарную жидкость на свет:

— А вот это приятный сюрприз, Арчи. Даже не верится. Пессимизм имеет свои преимущества. Пессимиста ожидают лишь приятные сюрпризы, а оптимиста — лишь неприятные. Пока ни один сорт не оказался мочой. Как видишь, Фриц проставил на этикетках цены, и я начал с самого дешевого. Нет, не это, возьми следующую бутылку.

Вот тут-то я и услышал негромкий звонок с кухни, означавший посетителя у входной двери. С этого звонка все и началось. Хотя в тот момент ничего интересного как будто и не было: всего лишь Даркин, явившийся с просьбой об одолжении.

Даркин — парень что надо. Когда я задумываюсь, как туп он во многих отношениях, то неизменно диву даюсь, как он вообще может заниматься слежкой. Известно, что бультерьеры тупы, однако хорошая слежка — это нечто гораздо большее, чем просто повиснуть на хвосте, а выслеживать Фред Даркин умел. Однажды я поинтересовался у него, как ему это удается, и он ответил: «Да я просто подхожу к объекту и спраши-

ваю, куда он направляется. А если вдруг теряю его, то знаю, где искать». Полагаю, он был в курсе, насколько это смешно, но точно не знаю, просто догадываюсь. Когда дела пошли так, что Вулфу, как и все прочим, от банкира до бродяги, пришлось урезать расходы, еженедельные выплаты Солу Пензеру и мне прискорбно сократились, Даркин же и вовсе перестал что-либо получать. Вулф вызывал его только в случае крайней необходимости и платил поденно. Время от времени я встречал Фреда и знал, что ему действительно приходится туго. У нас самих дела шли не очень гладко, и я не видел Даркина месяц или даже больше, пока в тот день не раздался звонок и Фриц не привел его в кабинет.

Вулф взглянул на него и кивнул:

— Привет, Фред. Я тебе что-нибудь должен?

Даркин, со шляпой в руках, подошел к столу и покачал головой:

— Как поживаете, мистер Вулф? Увы, вы мне ничего не должны. Если бы мне кто-нибудь был должен, то я бы с него уж не слезал.

— Присаживайся. Выпьешь пива?

— Нет, спасибо. — Фред остался стоять. — Я зашел попросить об одолжении.

Вулф снова поднял на него глаза, чуть выпятил большие толстые губы, едва уловимым движением сжал их, втянул назад, а потом вновь выпятил и втянул. Я обожал смотреть, как он это делает! Ничто не приводило меня в восторг, как это движение его губ. И не важно, чем оно было вызвано — каким-нибудь пустяком вроде нынешнего визита Даркина или же тем, что Вулф напал на след чего-то крупного и опасного. Я знал, что происходит. Внутри Вулфа совершалось нечто стремительное и всеобъемлющее, способное охватить целый мир за одно мгновение. Никто другой никогда бы не смог этого постичь, сколько бы

Вулф ни силится объяснить, чего, впрочем, он никогда не делал. Мне он кое-что растолковывал, когда ему доставало терпения. И я как будто даже улавливал суть, однако лишь потому, как сознавал впоследствии, что обнаруживал доказательства, позволяющие мне принять его догадки. Однажды я признался Солу Пензеру, что это все равно как оказаться нам с Вулфом в незнакомой темной комнате. Вулф детально ее описывает, потом включается свет, и ты принимаешь за истину ход его рассуждений, поскольку видишь перед собой именно то, что он и описывал.

И вот сейчас Вулф ответил Даркину:

— Тебе известно, что дела у меня идут неважно. И раз ты не просишь в долг, значит тебе есть что предложить в ответ на любезность. Что же это?

Даркин нахмурился. Вечно Вулф расстраивал его планы.

— Деньжат в долг я бы перехватил. Вряд ли они нужны кому-нибудь больше, чем мне. Как вы догадались, что это не тот случай?

— Не важно. Арчи объяснит. Не так уж ты и стеснен, да и женщину с собой не привел бы. Так что же это?

Я подался вперед и встрял в разговор:

— Черт, да он один! Я пока еще не оглох!

По огромной туше Вулфа пробежала мелкая дрожь, заметная лишь тем, кто, подобно мне, наблюдал ее прежде.

— Ну конечно, Арчи, слух у тебя отменный. Вот только слышать было нечего. Леди не издала ни звука, различимого на таком расстоянии. И Фриц не обращался к ней. Но в его приветствии Фреду сквозила учтивость, которую Фриц обычно припасает для слабого пола. Если я услышу, что Фриц в такой манере обращается к одинокому мужчине, то немедленно отправлю его к психоаналитику.

— Это подруга моей жены, — пояснил Даркин. — Ее лучшая подруга. Моя жена — итальянка, как вы знаете. Может, и не знаете, но так оно и есть. Как бы то ни было, у этой ее подруги неприятности. Или это она так думает. По мне, так сущая чепуха. Мария пристаёт к Фанни, Фанни пристаёт ко мне, и обе вместе достают меня. И все потому, что однажды я ляпнул Фанни, будто у вас внутри сидит дьявол, который может разгадать все на свете. Глупость, конечно же, мистер Вулф, но вы-то знаете, как это бывает, когда дашь волю языку.

— Приведи ее! — велел Вулф в ответ на эту тираду.

Даркин вышел в прихожую и тут же вернулся в сопровождении женщины. Она была маленькой, но не худой, черноглазая и черноволосая, итальянка с головы до ног, хотя и не того типа, что вечно кутаются в платки. Возраст уже сказывался на ней, однако в розовом хлопковом платье и черном вискозном жакете выглядела она опрятно и привлекательно. Я подтащил кресло, и она села лицом к Вулфу и свету.

Даркин представил их друг другу:

— Мария Маффи, мистер Вулф.

Она отрывисто улыбнулась Фреду, обнажив ряд белых зубок.

— Мария Маффей, — поправила она, обращаясь к Вулфу.

— Не миссис Маффей, — уточнил Вулф.

Женщина покачала головой:

— Нет, сэр. Я не замужем.

— Но все равно с неприятностями.

— Да, сэр. Мистер Даркин подумал, вы вполне сможете...

— Расскажите нам, что произошло.

— Да, сэр. Это все мой брат Карло. Он ушел.

— Куда ушел?

— Не знаю, сэр. Поэтому-то я и боюсь. Его нет уже два дня.

— А где он... Нет-нет. Никаких догадок, только факты. — Вулф повернулся ко мне. — Подключайся, Арчи.

Стоило ему лишь произнести свое «нет-нет», как я уже извлек блокнот. Вести записи перед Вулфом доставляло мне удовольствия больше, чем какая-либо другая работа, поскольку я прекрасно знал, что уж тут-то не оплошаю. Однако работы записывать было практически нечего. Эта женщина, как и я, знала, чему нужно уделять внимание. Она выложила свою историю быстро и без обиняков. Мария Маффеи работала экономкой в шикарной квартире на Парк-авеню, там же и жила. Ее брат Карло, на два года старше, проживал в меблированных комнатах на Салливан-стрит. Он работал по металлу и, по ее словам, знал в этом толк. Много лет он получал неплохое жалованье в ювелирной фирме «Рэтбан энд Кросс», однако позволял себе выпивать и порой не появлялся в мастерской, а потому был уволен в числе первых с наступлением Великой депрессии. Какое-то время он перебивался случайной работой, потом жил на свои скромные сбережения, а прошлую зиму и весну и вовсе на то, что давала сестра. Где-то в середине апреля, совершенно пав духом, Карло решил вернуться в Италию. Мария согласилась помочь ему деньгами. Собственно, она купила ему билет на пароход. Но неделю спустя брат вдруг объявил, что отъезд откладывается. Он не объяснил причину, однако заявил: более денег ему не требуется и вскоре он сможет отдать ей все, что она ему одалживала, и, по-видимому, все-таки остаться в Штатах. Он никогда не отличался особой разговорчивостью, а уж относительно этих изменений планов и вовсе хранил упрямое молчание. И вот теперь он пропал. В субботу он позвонил сестре. Они договорились встретиться в понедельник вечером, в ее свободное время, в итальянском ресторанчике на Принс-стрит, где частенько вместе обедали. Карло жизнерадостно добавил, что

у него будет с собой достаточно денег, чтобы полностью расплатиться с ней и даже одолжить ей, если в этом есть необходимость. Она прождала его вечером в понедельник до десяти часов, а затем отправилась в меблированные комнаты, где жил брат. Там ей сообщили, что он ушел где-то после семи и с тех пор не возвращался.

— Позавчера, — отметил я.

Даркин, как я увидел, тоже раскрыл блокнот и теперь согласно кивнул:

— Понедельник, четвертое июня.

Вулф покачал головой. Все это время он сидел неподвижно, отстраненный, словно гора, уперев в грудь подбородок. И вот теперь голова его чуть качнулась, и он прошептал:

— Даркин... Сегодня среда, седьмое июня.

— Да ну? — изумился Фред. — Как скажете, мистер Вулф.

Вулф ткнул в сторону Марии пальцем:

— То был понедельник?

— Да, сэр, конечно же. Это мой свободный вечер.

— Тогда вам лучше знать. Даркин, исправь в своей записной книжке, а еще лучше — просто выкинь ее. Ты на год опережаешь время: четвертое июня выпадет на понедельник в следующем году. — Он обратился к женщине: — Мария Маффеи, с сожалением вынужден дать вам не лучший, но единственно возможный совет: обратитесь в полицию.

— Я обращалась, сэр. — Глаза ее вспыхнули возмущением. — Они сказали, что брат смылся с моими денежками в Италию.

— Возможно, так оно и есть.

— Ах нет, мистер Вулф! Вам ли не знать. Вот я перед вами. Вы же понимаете, что я не могу успокоиться на этом, когда речь идет о судьбе брата.

— Полиция сказала, на каком пароходе отплыл ваш брат?

— Да откуда! Не было никакого парохода! Они ничего не расследуют и даже не помышляют об этом. Просто говорят, он уехал в Италию.

— Понятно. Говорят первое, что в голову придет. Ладно. Сожалею, но все равно ничем не могу вам помочь. Могу лишь строить предположения. Ограбление? Где же тогда его тело? Обратитесь в полицию снова. Рано или поздно тело найдется, и загадка будет решена.

Мария Маффеи покачала головой:

— Я не верю в это, мистер Вулф. Не верю, и все. Кроме того, был телефонный звонок.

Я вмешался:

— Вы не упоминали никакого звонка.

Она широко улыбнулась мне:

— Я не успела. Брату звонили в меблированные комнаты незадолго до семи. Телефон находится в коридоре нижнего этажа, и служанка слышала, как он с кем-то разговаривает. Брат разволновался и согласился встретиться со звонившим в половине восьмого. — Она повернулась к Вулфу. — Вы ведь можете помочь мне, сэр. Можете помочь мне найти Карло. Пожив среди американцев, я научилась выглядеть холодной как камень. Но я итальянка и должна найти своего брата. Должна узнать, кто причинил ему вред. — Вулф лишь покачал головой, но она не обратила на это внимания. — Вы должны, сэр. Мистер Даркин говорит, у вас туго с деньгами. А у меня кое-что осталось, и я могу оплатить все расходы и, быть может, даже больше. И вы друг мистера Даркина, а я подруга миссис Даркин, моей милой Фанни.

— У меня нет друзей! — отрезал Вулф. — Сколько вы сможете заплатить? — (Она колебалась.) — Сколько у вас есть?

- Ну... Больше тысячи долларов.
- И сколько из этого вы заплатите?

— Я заплачу... Я заплачу все. Если вы найдете моего брата живым, я заплачу все. Если вы найдете его мертвым и укажете мне, где его тело и кто убийца, я все равно заплачу достаточно. Только сначала мне придется оплатить похороны.

Веки Вулфа медленно опустились и так же медленно поднялись. Это, как мне было известно, означало его одобрение. Сколько же я раз ожидал этого знака — и зачастую напрасно, — когда отчитывался перед ним. Он произнес:

— Вы практичная женщина, Мария Маффеи. Даже больше. Вы, возможно, женщина чести. Вы правы, во мне есть нечто, что может помочь вам. Это гений. Однако пока ничто из сказанного вами не пробудило его. И неясно, проснется ли он в ходе поисков вашего брата. Так или иначе, мы начнем с обычной рутины, а расходы на нее невелики. — Он обратился ко мне: — Арчи, отправляйся в меблированные комнаты, где жил Карло Маффеи. Его сестра будет сопровождать тебя, чтобы подтвердить твои полномочия. Поговори со служанкой, которая слышала звонок, и со всеми прочими. Осмотри его комнату. Если обнаружится какой-нибудь след, вызови сюда Сола Пензера на любое время после пяти. Прихвати с собой оттуда все, что сочтешь важным.

Я подумал, что вовсе не обязательно так глумиться надо мной перед посторонними. Однако я давно уже понял: возмущаться его выходками совершенно бессмысленно. Мария Маффеи поднялась со стула и поблагодарила его.

Даркин шагнул вперед:

— Касательно того, что у вас туго с деньгами, мистер Вулф... Вам ли не знать, что, когда даешь волю языку...

Я пришел к нему на выручку:
— Пошли, Фред, мы поедem на «родстере», и я подброшу тебя по пути.

ГЛАВА 2

Припарковав большой черный и блестящий «родстер» перед домом на Салливан-стрит, номер которого назвала Мария Маффеи, я испытал опасения, что могу уже никогда не увидеть его полным жизни и довольства — я говорю о «родстере». Улочка была завалена мусором и кишела итальянскими сорванцами, с воплями носившимися туда-сюда подобно черноглазым бесенятам. Однако мне доводилось оказываться с этой машиной и в местах похуже. Например, в ту ночь, когда я гнался за двухместным «пирс-арроу» молодого Грейвса, который между коленями держал сумку с изумрудами, от Нью-Милфорда через весь округ Пайк, вверх-вниз по дюжине гор, в грязи по колено да в самый скверный дождь, какой я только видывал. Согласно предписанию Вулфа, после каждой незначительной царапины «родстер» необходимо было ремонтировать, чтобы он вновь выглядел как новенький. И я, естественно, его поддерживал.

Это был всего лишь еще один пансион. По той или иной причине все они выглядят одинаково, будь то заведение с претензией на Пятидесятых улицах Манхэттена, или особняк из буроого песчаника к западу от Центрального парка, битком набитый целомудренными актрисками, или же итальянский притон вроде этого на Салливан-стрит. С некоторыми мелкими различиями, конечно. Такими, как запах чеснока, например. Сперва Мария Маффеи отвела меня к домовладелице, славной толстухе с влажными ладонями, приплюснутым носом и со множеством колец на пальцах,

а затем проводила вверх по лестнице в комнату брата. Я немного осмотрелся, пока Мария ходила за служанкой, подслушавшей тот телефонный разговор. Комната приличных размеров с двумя окнами располагалась на третьем этаже. Потертый ковер, мебель старая и кое-где поломанная. Однако жилище содержалось в чистоте и в целом производило бы неплохое впечатление, если бы не крики уличной шпаны, ворвавшиеся внутрь, едва я открыл окно, чтобы проверить, остались ли еще у «родстера» колеса. В углу один на другом лежали два больших саквояжа: один хлипкий, старый и уже совершенно негодный, другой тоже старый, но все еще крепкий и в весьма хорошем состоянии. Оба были не заперты. Хлипкий оказался пустым, пригодный же содержал множество небольших инструментов различной формы и величины, частью с бирками ломбарда, а также куски дерева, металла и прочие запчасти вроде пружин. В шкафу обнаружили мужской костюм, два рабочих комбинезона, пальто, две пары туфель и фетровая шляпа. В ящиках комода с зеркалом, стоявшего между окнами, был набор — не такой уж и скудный для человека, около года жившего за счет сестры, — рубашек, галстуков, носовых платков, носков и разнообразнейшего хлама вроде шнурков, карандашей, фотокарточек и пустых жестянок из-под трубочного табака. В верхнем ящике нашлась скрепленная резинкой пачка из семнадцати писем в конвертах, все с итальянскими марками. Там же беспорядочно валялись чеки, оплаченные счета, упаковка писчей бумаги, несколько вырезок из газет и журналов да собачий ошейник. На крышке комода, помимо расчески, щеток и прочих причиндалов, как называл это Вулф, лежало пять книг (на итальянском, кроме одной) со множеством рисунков и схем, а еще груда журналов — трехлетняя подборка ежемесячных выпусков одного и того же названия «Художественная обработ-

ка металла». В углу, возле правого окна, стоял простой верстак из необработанного дерева, с изрезанной и исцарапанной столешницей, на которой располагались небольшие тиски, точильный камень и полировальный станок с электрическим шнуром, достаточно длинным, чтобы дотягиваться до лампового патрона, плюс еще кое-какие инструменты вроде тех, что хранились в саквояже. Я осматривал точило, чтобы определить, как давно им пользовались, когда появилась Мария Маффеи со служанкой.

— Это Анна Фиоре, — представила ее Мария.

Я подошел и пожал руку горничной, невзрачной девушке лет двадцати с кожей цвета высушенного теста. Вид у нее был такой, словно ее напугали в младенчестве и она до сих пор не оправилась от потрясения. Я представился и сказал, что узнал от мисс Маффеи, будто Анна слышала разговор мистера Маффеи по телефону перед его уходом в понедельник вечером. Она кивнула.

— Полагаю, мисс Маффеи, — обратился я к Марии, — вы хотели бы вернуться к себе на Парк-авеню. Мы с Анной поладим.

Она покачала головой:

— Если я вернусь к обеду, ничего страшного не случится.

Это меня немного разозлило. Положа руку на сердце, я был согласен с Даркином: дело безнадежное и мы лишь напрасно тратим на него время. Поэтому я заявил Марии Маффеи, что с легкостью справлюсь без нее и ей лучше уйти. Если что появится, Вулф даст ей знать. Она бросила взгляд на служанку, показала мне зубки и ушла.

Я поставил пару стульев друг перед другом, усадил девушку на один из них и выудил свой блокнот.

— Вам нечего бояться, — успокоил я ее. — Самое худшее, что с вами может случиться, — окажете услу-

гу мисс Маффеи и ее брату. А быть может, получите от нее кое-какие деньжата. Вам нравится мисс Маффеи?

Анна как будто все-таки испугалась, словно удивившись, что кто-то счел необходимым озаботиться ее предпочтениями и антипатиями, однако ответ ее был вполне ожидаемым:

— Да, она мне нравится. Она милая.

— А мистер Маффеи?

— Да, конечно, он всем нравится. Если только он не пьяный. Девушкам тогда стоит держаться от него подальше.

— Как получилось, что вы услышали звонок в понедельник вечером? Вы его ждали?

— Да как же я могла ждать его?

— Не знаю. Это вы взяли трубку?

— Нет, сэр. Миссис Риччи. Она велела мне позвать мистера Маффеи, и я поднялась вверх. Потом я убралась в столовой, а дверь была открыта, и потому я услышала его разговор.

— Вы слышали, что он отвечал?

— Ну конечно. — В ее голосе прозвучала насмешка. — Мы всегда слышим каждое слово, которое жильцы говорят по телефону. Миссис Риччи тоже слышала его, и она слышала то же, что и я.

— И что он говорил?

— Сначала он сказал: «Алло». Потом: «Да, это Карло Маффеи. Чего вы хотите?» А после: «Про свое дело я скажу вам при встрече». Дальше он спросил: «А почему не здесь, в моей комнате?» И заявил: «Нет, я не боюсь, это не я должен бояться». Миссис Риччи говорит, будто он ответил: «Испугался вовсе не я», но она путает. А потом он сказал: «Конечно мне нужны деньги, и намного больше». Затем: «Договорились, полвосьмого на углу», и еще: «Вас не касается, что меня беспокоит». И в конце: «Да, полвосьмого, я помню машину». — Она замолчала.

— С кем он разговаривал? — спросил я.

Естественно, я предполагал ответ, что она не в курсе, уж если не знала Мария Маффеи, однако Анна тут же ответила:

— С человеком, который звонил ему и раньше.

— Раньше? Когда?

— Всего несколько раз. В мае. Однажды два раза за день. Миссис Риччи говорит, до понедельника всего девять раз.

— Вы когда-нибудь слышали его голос?

— Нет, сэр. Трубку всегда берет миссис Риччи.

— А вы когда-нибудь слышали, как его зовут?

— Нет, сэр. Миссис Риччи стало любопытно, и она спрашивала, но он всегда отвечал: «Не важно, скажите ему, что его просят подойти к телефону».

Я начал склоняться к мысли, что, пожалуй, из этого может выйти кое-что занятное, а может, даже и кое-какие деньги перепадут. Не то чтобы они меня особо интересовали — это по части Вулфа. Развлечение — вот чего я искал. Как бы то ни было, дело могло обернуться не просто ограблением и трупом в Ист-Ривер. Я решил посмотреть, что можно выведать, и взялся за девчонку как следует. Я неоднократно был свидетелем, как это проделывает Вулф. И я знал: по большей части успех ему приносит какое-то шестое чувство, мне несвойственное. Однако многого он все же добивается за счет терпения и удачи. Так что я взялся за Анну. Я угробил на нее два часа и собрал уйму фактов, однако ни один из них ничего мне так и не дал. Раз я было решил, что напал на след. Выяснилось, что у Карло Маффеи были шашни с двумя женщинами, с которыми время от времени он открыто появлялся, и что одна из них замужем. Но, убедившись, что дамочек никак не связать с телефонным звонком, оставил эту нить. Маффеи упоминал о возвращении в Италию, но в подробности не вдавался. Своему делу он

отдавался со всей душой. Ему никто не звонил, за исключением сестры да приятеля, сохранившегося со времен былого процветания. Иногда он с ним ужинал. В общем, я выкачивал сведения битых два часа, но лучик так и не блеснул. И все же нечто в этом звонке не давало мне объявить дело беспросветным и взяться за шляпу. Наконец я сказал ей:

— Подождите здесь минуточку, Анна. Я спущусь и переговорю с миссис Риччи.

Домовладелица подтвердила версию телефонного разговора, данную служанкой, и посоветовала, что понятия не имеет, кем был звонивший, хотя несколько раз и пыталась это выяснить. Я задал ей несколько вопросов о том о сем, а потом попросил отпустить Анну со мной. Она ответила отказом: близится обед и подавать его одна она не может. Пришлось продемонстрировать ей долларовую банкноту. В ответ она спросила, когда может ожидать возвращения своей служанки. Та должна возвратиться никак не позже девяти вечера, предупредила она.

Вручив ей доллар, я ответил:

— Ничего не могу обещать, миссис Риччи. Когда мой шеф начинает задавать вопросы, время ничего не значит. Но она вернется целой и невредимой как можно скорее.

Я поднялся наверх, позвал Анну и прихватил кое-что из ящика комода. Когда мы вышли на улицу, я с облегчением обнаружил, что «родстер» не лишился ни крыла, ни запаски.

По городу я катил неспешно, отнюдь не желая добраться до Тридцать пятой улицы слишком быстро. С четырех до шести вечера Вулф неизменно возился наверху с растениями. Потревожить его в эти часы без крайней необходимости было не самой лучшей идеей. «Родстер» Анну просто потряс, она сидела, спрятав ноги под сиденье и сцепив руки на коленях. Это меня

позабавило, и я даже почувствовал к ней расположение и пообещал ей доллар, если она расскажет моему шефу что-нибудь полезное. Была минута или две седьмого, когда я остановился перед старым особняком из бурого песчаника менее чем в квартале от реки Гудзон, где Вулф проживал вот уже двадцать лет, треть из которых с ним провел я.

Тем вечером Анна не вернулась домой к девяти часам. Только после одиннадцати Вулф послал меня в редакцию «Таймс» за газетами, и было уже далеко за полночь, когда мы в конце концов добились от Анны толку. К тому времени миссис Риччи звонила три раза. Когда я доставил девушку на Салливан-стрит почти в час ночи, домовладелица ожидала нас у дверей, возможно с готовой отповедью. Однако она не проронила ни слова, лишь испепелила меня взглядом. Я отдал Анне доллар, ибо на то имелась причина.

Я отчитался перед Вулфом наверху, в солярии перед оранжереей, оставив Анну в кабинете. Он сидел, развалившись в огромном кресле, красная с коричневым орхидея дюймов восемь в размахе щекотала ему затылок, и выглядел совершенно незаинтересованным. Ему и вправду было неинтересно. Он едва взглянул на мои записи и вещи из комнаты Маффеи. Правда, Вулф согласился, что звонок наводит на размышления, однако вряд ли ради этого стоило себя утруждать. Я пытался убедить его взяться за девушку, раз уж она ждет внизу. Вдруг что-нибудь и выяснится. Наконец я добавил со злостью:

— Как бы то ни было, она стоила доллар. Мне пришлось отдать домовладелице доллар.

— Это был твой доллар, Арчи.

— Нет, сэр, это был расходный доллар. Он занесен в бухгалтерскую книгу.

Я направился с ним к лифту. Если бы ему приходилось спускаться и подниматься пешком, то, думаю,

он никогда бы не появился наверху даже ради растений.

Он тут же принялся за Анну. Это было прекрасно, хотя пятью годами ранее я бы не оценил этого. Красота же заключалась в абсолютной всеохватности распросов. Если девушка владела хотя бы крупницей информации, если в ее памяти хранилась полустертое ощущение или реакция, способная указать нам след или дать намек, они просто не могли ускользнуть от Вулфа. Он допрашивал Анну на протяжении пяти часов. Его интересовал тембр голоса Карло Маффеи, его привычки, манера одеваться, пристрастия в еде, умение вести себя за столом, отношения с сестрой, миссис Риччи, самой Анной и всеми, с кем Анна когда-либо встречала его. Вулф расспрашивал ее о миссис Риччи, обо всех жильцах, снимавших комнату в пансионе за два последних года, о соседях и торговцах, доставлявших товары на дом. Все это он проделывал с легкостью и неспешно, заботливо следя за тем, чтобы не утомлять ее. Совсем не так, как в тот раз, когда при мне допрашивал Лона Грейвса. Его Вулф мочалил почти целый день и в итоге едва не свел с ума. Мне казалось, что он выудил из девчонки лишь одно, да и то небольшое. Признание, что она вынесла нечто из комнаты Маффеи тем самым утром. В среду. Бумажки из ящика комода, с клеевым слоем на обороте и с напечатанными спереди названиями пароходов «Лючия» и «Фьоренца». Конечно же, это были наклейки на багаж. С помощью подшивки газет я выяснил, что «Лючия» отплыла восемнадцатого мая, а «Фьоренца» — третьего июня. По-видимому, Маффеи намечал отъезд в Италию не один раз, а дважды и оба раза откладывал. Анна, по ее словам, взяла бумажки, потому что они были очень яркие. Ей захотелось наклеить их на сундук, в котором она хранит одежду. За обедом, когда мы все

трое сидели в столовой, Вулф оставил Анну в покое и говорил лишь со мной, в основном о пиве. Однако, когда настал черед кофе, он отвел нас назад в кабинет и вновь принялся за расспросы. Он ходил вокруг да около и возвращался обратно, наугад набрасывался на темы столь неуместные и незначительные, что любой, кто прежде не видел, как он из подобной шляпы вытаскивает кролика, несомненно, принял бы его за психа. К одиннадцати я совершенно вымотался, отчаянно зевал и готов был сдаться, раздражаясь при этом, что сам Вулф не выказывает ни малейших признаков нетерпения или разочарования.

Затем он внезапно попал в точку:

— Так мистер Маффеи никогда не дарил вам подарков?

— Нет, сэр. Кроме той коробки мела, о которой я говорила. И газет, если это можно назвать подарком.

— Да. Вы сказали, что он всегда отдавал вам свою утреннюю газету. «Таймс».

— Да, сэр. Однажды он сказал мне, что выписывает ее из-за обьяв. Ну, знаете, обьяв о работе.

— А в понедельник утром он отдал вам газету?

— Обычно он отдавал мне ее днем. В понедельник днем, да, сэр.

— Полагаю, тем утром не произошло ничего особенного.

— Нет, сэр.

Очевидно, Вулф уловил, как что-то мелькнуло у нее в глазах, некое едва заметное движение, ускользнувшее от моего внимания. Во всяком случае, он настоял:

— Точно ничего особенного?

— Нет, сэр. Кроме... Ну конечно... Вырезка!

— Вырезка?

— Он вырезал кусок газеты. Большой кусок.

— А он часто делал вырезки?

Содержание

ОСТРИЕ КОПЬЯ	5
ЛИГА ПЕРЕПУГАННЫХ МУЖЧИН	297

Стаут Р.

С 78 Острые копыта ; Лига перепуганных мужчин : романы / Рекс Стаут ; пер. с англ. Д. Попова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. — 608 с. — (Звезды классического детектива).

ISBN 978-5-389-18771-9

Ниро Вулф, страстный коллекционер орхидей, большой гурман, любитель пива и великий сыщик, практически никогда не выходит из дому. Все преступления он распутывает на основе тех фактов, которые собирает Арчи Гудвин, его обаятельный, ироничный помощник с отличной памятью.

На площадке для гольфа от сердечного приступа умирает ректор университета, но Ниро Вулф утверждает, что это изоэренное убийство, к тому же убили ректора по ошибке... В результате жестокой шалости соучеников по колледжу Пол Чапин на всю жизнь остался калекой. Прошли годы, и бывшие студенты начинают получать от Чапина стихотворные послания с угрозами. Двое уже погибли, а третий загадочно исчез. Перепуганные мужчины обращаются к Ниро Вулфу с просьбой уберечь их от смертельной опасности...

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Литературно-художественное издание

РЕКС СТАУТ

ОСТРИЕ КОПЬЯ

ЛИГА ПЕРЕПУГАННЫХ МУЖЧИН

Ответственный редактор Ольга Рейнгеверц
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Светлана Федорова, Анна Быстрова

Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.11.2020. Формат издания 75 × 100^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 26,79. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-MCD-27411-01-R